

ВЯЗЕМСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК «НЕГОДОВАНИЯ»

И. А. Паперно, Ю. М. Лотман

Среди бумаг П. А. Вяземского, хранящихся в Остафьевском архиве (ЦГАЛИ), находится документ под условным инвентарным названием «Манифест русского поэта свободы на французском языке». Единица хранения озаглавлена: «Прозаический перевод стихотворения неизвестного автора». Происхождение первого заголовка неизвестно (заманчиво было бы предположить, что оно восходит к самому Вяземскому), второе представляет собой плод ошибки. На самом деле интересующая нас рукопись — неозаглавленный автограф П. А. Вяземского, авторский перевод первых 111 стихов «Негодования». Текст имеет признаки черновой рукописи и отражает самый процесс работы Вяземского над переводом. На середине стихотворения Вяземский бросил свой труд. Приводим текст полностью, сохраняя особенности французской орфографии Вяземского.

Французская орфография Вяземского неустойчива и несет на себе печать *общего* отрицательного отношения поэта к «тирании» грамматических правил. Однако ей присущи и родовые черты, роднящие ее с общими особенностями письменной французской речи русских дворян той эпохи. Так, Б. В. Томашевский, говоря об особенностях орфографии французских текстов Пушкина, отмечал «полное отсутствие акцентов», «неверную постановку акцентов» и «небрежность в расстановке акцентов» «там, где акценты дифференцируют формы». Указав на «систематические ошибки в глагольных формах, где часто встречается смешение созвучных или сходно звучащих форм», Б. В. Томашевский отмечает, что преобладание слуховых ассоциаций над зрительными «вполне объясняется бытовыми условиями употребления французского языка в эти годы»¹. Характеристика эту вполне можно отнести и к французскому языку Вяземского, который также систематически опускает непроносимые грамматические элементы, в особенности в конце слов, путает единичные и удвоенные согласные и проч. Сохраняются и знаки препинания: оригинала.

Loin de moi les fiction les riantes chimeres et le nectar d'une douce ivresse.

J'ai dit un adieu precoce au printems, au printems [au printems] des esperances et des erreurs.

---

¹ Б. Томашевский, Французская орфография Пушкина в письмах к Е. М. Хитрово, в кн.: «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово.» 1927, с. 364—365; R. Galland, Французский язык писем Вяземского, Русский литературный архив, N.—Y., 1956.

Avant de l'avoir épuisé, j'ai brisé la coupe des philtres, j'ai demasqué la vie à ses premières perfidies et immolé les prestiges à la [vérité] réalité sévère. Les fleurs [dont l'enchant] enchanté s'est fanné dans ma main et j'ai arraché d'un front chargé des soucis la couronne inodore de la joie.

Mais ayant dépouillé les idoles des faux-Dieux, j'ai consacré mon enthousiasme à la vérité, et plus d'une fois ma Lyre inflexible a retenti de ses mâles accordes.

Mon Apollon est l'indignation. A son feu mon vers hardi s'allume et ma bouche abjure un lâche silence.

Indignation! Flamme vivifiante! Germe sacré du tout ce que je ren<f>-erme de plus intimes [agité] appelé par toi, je me réveille et brûlant d'une noble ardeur j'apprécie la puissance de l'âme et le but de l'existence.

[De toi] Auteur et témoin de tous les mouvements de mon cœur, c'est toi qui m'a garanti d'une [insensibilité stupeur] insensibilité muette: c'est ta voix, qui m'éveillai dans le silence des passions, c'est toi qui est ma vie et ma vertu.

Idolâtre de la vérité dans un âge où les erreurs ont tous des charmes, c'est la vérité qu'implorait ma bouche et mon cœur, mais le vent dispersait ma prière inintelligible au vulgaire.

C'est la fraude, qui règne <sou> l'image <?> de la vérité. La violence du caprice a foulé la sainteté des droits. [L'imp] L'imprudence au front arrogant, resplendissante d'une gloire coupable préside au conseil des Grands.

J'ai vu les pères des peuples gouverner par la crainte; j'ai vu la flatterie conseiller de <s> Rois. J'ai vu l'honneur avili rependre les cendres du deuil sur ses cheveux et subir la proscription. J'ai vu la sanctuaire de la justice transformé en marché accessible [à tous] au plus effrayant. La service de la vérité en triomphe de la perfidie. Les lois, instruments sacrés de la Justice <ce> [ne sont] en bouclier [pour le] du fort et en joug du faible.

J'ai vu des [fan<atiques>] devots trafiquer des bienfaits et spéculer la religion, des pieux serviteurs, qui dans l'oubli de Dieu des âmes servaient aux trons de la terre n'encensant que les Dieux humains.

Depositaires des trésors du peuple! Je vous cite au tribunal de l'impartiale Justice. Répondez: où est le denier de la veuve désespérée, ou est le tribut de l'orphelin indigent?

La vice a [d'une] tout accaparé d'une main sordide. Méprisant les reproches des hommes, méprisant les menaces du Ciel, vous avez [bu] dans vos festin somptueux bu la sueur sanglante du [travail] labeur et les larmes de la pauvreté.

[La patrie] Le peuple dans un zèle aveugle dépose sur vos autels avides et sa vie et son bien; c'est pour les immoler <?> à vous, que la patrie esclave, volontaire de vos fantaisies, demande des sacrifices à ses enfants.

Mais que vous importe? La voix de vos passions effrénées étouffe le cri de la vengeance: des bouclier d'or des honneurs vous avez garanti votre conscience endurcie des traits du repentir.

Vos jours sont dégagés de soucis, vos nuits de crainte. Ainsi, qu'un fort inaccessible à la vérité, votre palais élève son front vers les Cieux, et innocence à l'éclat criminel de votre prospérité se demande indécise: «Mais où est-il donc le Dieu de la Justice? Où est-il le Juge incorruptible? Quand viendra-t-il prononcer son arrêt, quand brillera-t-il dans sa main le fer vengeur et frappera le vicieux d'un coup inévitable?»

Ici au pied de l'autel, là sur les marches du tronc je vois les sujets du Souverain, mais où trouvera-t-on le Citoyen de la patrie? Votre patrie est le tronc. Serviteurs, aveugles du pouvoir. Concession de la conscience — vos mérites, un regard de la faveur — le plus beau prix de vos mérites.

Non! non! ô patrie! ce n'est point à tes autels qu'ils ont prêté le serment de vie et de mort. La gloire des ancêtres est pour eux sans tradition; la tombe des pères leur est muette et le berceau de tes fils n'est point pour eux le sanctuaire de l'espérance.

J'ai cherché des sacrificateurs de la liberté, idole des âmes fortes. La vaste prison de l'univers ne m'a offert que des esclaves.

O toi, qui de mes plus jeunes années alluma en moi l'etincelle sacrée, toi [qui] près de qui [les maux sont] l'infortune est léger, toi sans qui le bonheur n'est qu'un don sterile.

Liberté! plein d'une noble ardeur, c'est moi qui le premier a osé t'adresser des chants Russes! Mes accordes nouveaux ont plus d'une fois reveillé le silence des [lieux] rochers sauvages et frappé du terreur l'oreille [d'une auditoire] pusillanime du faible.

M'arrachant de cette vallée obscure vers un avenir radieux, Contemporain des années non encore venues, je n'ai [que] chanté que la liberté dans l'idiome de l'esclavage, dans les fers j'ai été ton poète.

Les générations futures connaîtront mon chant! Langage des Dieux, tu me fut toujours sacré et les débris orgueilleux de ma Lyre survivront aux couronnes du flatteurs.²

Автограф этот не привлекал внимания исследователей творчества Вяземского. Краткое упоминание о нем находим в книге М. И. Гиллельсона «П. А. Вяземский. Жизнь и творчество». М. И. Гиллельсон связал появление этого автографа с попыткой Вяземского наладить сотрудничество с «Revue Encyclopédique». Разочарование в этом проекте заставило Вяземского, по мнению исследователя, бросить начатый перевод. «Если эти соображения правильны, — заключает М. И. Гиллельсон, — то перевод «Негодования» следует датировать концом 1823 или самым началом 1824 г.»^{2а}

С предположением М. И. Гиллельсона трудно согласиться. Крайне сомнительно, чтобы Вяземский предполагал опубликовать в Париже прозаический перевод стихотворения, которое от самого способа подобной передачи теряло значительную часть своих поэтических достоинств. Воспринимаемое же французским читателем как проза, оно могло произвести лишь впечатление тяжеловесной декламации. Публицистическая проза Франции тех лет, Вяземскому прекрасно известная, требовала конкретных политических фактов, а не повторения общих истин о свободе, правах человека и деспотизме, которые, в отрыве от энергического пафоса декламационной поэзии, производили бы в эти годы в условиях относительной свободы печати, существовавшей во Франции, несколько банальное впечатление. Если при этом напомнить, что никаких непосредственных свидетельств в пользу сближения интересующего нас автографа с опытом сотрудничества в журнале Жульена не имеется, то можно будет, в сугубо гипотетической форме, высказать другое предположение.

В 1820 г. возникли трудности в связи с прохождением через цензуру «Послания к М. Т. Каченовскому» Вяземского. А. И. Тургенев писал Вяземскому 29 декабря 1820 г. о стихах из этого послания, не пропущенных цензурой: «Лучше пустим их вполне в списках. Завтра доставится полный экземпляр государыне Елизавете Алексеевне. Она говорила о твоих стихах, вообще хвалила их; но сказала, что во всех есть что-то недоделанное.»³ Вяземский отвечал Тургеневу: «Я рад, что царица, le seul homme de la famille, увидит, что делается в этой России, управляемой с почтовой коляски. Рад и тому, что она в стихах моих заметила их коренной недостаток, недостаток недоделанности, ибо вижу в том доказательство ее здравого суждения и внимания к моим стихам. Но впрочем, что она моего знает? Шептание, лепетание, но мой голос грудной задушен цензурой. Дайте ей «Негодование»»⁴

Авторитет Елизаветы именно в эти годы стоял в либеральных и декабристских кругах очень высоко. С ее именем связывались определенные поли-

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1010. Авторы выражают благодарность хранительнице Остафьевского архива (ф. Вяземских) Н. В. Снытко.

^{2а} М. И. Гиллельсон, П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 271.

³ Остафьевский архив, т. II, СПб., 1899, с. 130.

⁴ Там же, с. 143.

тические планы.⁵ Пушкин «пел на троне добродетель», а С. Трубечкой еще за два дня до восстания, по словам А. Бестужева, «приговаривал, что нельзя ли императрицу Елизавету на трон возвести».⁶

Можно высказать предположение, что интересующий нас автограф связан с планами ознакомления Елизаветы Алексеевны с «Негодованием». Такое предположение влечет за собой следующий вопрос: «Что представляет французский перевод «Негодования» как вид текста и с какой целью он составлен?» Елизавета Алексеевна в определенной мере владела русским языком⁷ и, как мы видели, могла даже высказывать суждения о русской поэзии. Однако Вяземский рассматривал «Негодование» не как обычное поэтическое произведение — он видел в нем наиболее полное выражение своего общественного сгедо. В данном случае цель его была, конечно, не в том, чтобы ознакомить императрицу с новинками русской поэзии, а в стремлении повлиять на нее своими идеями, довести до нее свою программу. При такой установке важно было, чтобы императрица как можно более глубоко проникла в текст. А текст «Негодования» — совершенно уникален для языковой позиции карамзиниста: он насыщен славянизмами, затруднен риторическими фигурами и, как мы постараемся показать, без параллельного французского текста местами не совсем понятен даже современному исследователю.

Вполне вероятным кажется предположение, что Вяземский изготавлял французский текст для параллельного чтения его с русским.

Однако нам представляется, что более правильной будет вообще несколько другая постановка вопроса: как ни интересен текст французского автоперевода, существеннее выяснить, даст ли он что-нибудь (и, если да, то что) для понимания *русского* текста. Именно этот вопрос, а не то, когда и при каких обстоятельствах был выполнен французский перевод, следует поставить в центр внимания.

С этой точки зрения, прежде всего следует отметить, что сопоставление с французским переводом позволяет уточнить самый текст русского варианта, внося исправления в общепринятое в научных и популярных изданиях его чтение.

Так, стихи 61—62 обычно печатаются в таком виде:

Но что вам? Голосом алкающих страстей
Мать вопиющую вы дерзко заглушили...

Хотя из публикуемого во всех изданиях текста невозможно понять, какая мать имеется в виду, подобное странное чтение повторяется из книги в книгу, не встречая ничьих возражений. То, что здесь текстологическая ошибка, возникшая в результате неправильного чтения почерка Вяземского, делается ясным при сопоставлении с французским автографом: «Mais que vous importe? La voix de vos passions effrénées étouffe le cri de la vengeance.»

Очевидно, что «мать» — неправильное чтение слова «мечь» и весь отрывок должен читаться:

Но что вам? Голосом алкающих страстей
Мечь вопиющую вы дерзко заглушили...

С подобной же ошибкой мы имеем дело и в стихах 110—111. Обычное чтение:

И *мира* гордые обломки
Переживут венцы льстецов.

---

⁵ См.: А. Н. Шибунин. Пушкин и «Общество Елизаветы». — Пушкин, Временник пушкинской комиссии, т. I, М.—Л., 1936; В. Базанов. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 95—98.

⁶ Восстание декабристов, т. I, М.—Л., 1925, с. 136.

⁷ См.: Шибунин, цит. соч., стр. 72, где сообщается сведение гр. Ф. Головкина: «Она образована, хорошо знает русский язык» (Comte Féodor Golovkine. Le cour et le règne de Paul I-er. Portraits, souvenirs et anecdotes, Paris, 1905, p. 285—287).

И в данном случае бессмысленность чтения не привлекла внимания специалистов. Между тем, французский текст дает совершенно ясный вариант: «... et les débris orgueilleux de ma Lyre survivront aux couronnes des flatteurs.»

Следовательно, в публикациях «Негодования» — текстологическая ошибка, и русский текст должен печататься следующим образом:

И *Лиры* гордые обломки
Переживут венцы льстецов.

Обращение к автографу⁹ (сохранился автограф лишь двух отрывков «Негодования» — стихи 82—87 и 94—115) и к спискам, как авторизованным, так и не несущим следов авторской правки,¹⁰ полностью подтверждает приведенные выше чтения, свидетельствуя, что помета «печатается по авторизованной копии» в последнем, наиболее авторитетном издании стихотворений Вяземского¹¹ не совсем точна.

Однако значение французского текста для понимания русского не исчерпывается только этими исправлениями. Перед нами не просто перевод, а яркий пример многоплановой перекодировки: перекодировка с русского языка на французский и с поэтического на язык прозы — лишь поверхностный и наиболее заметный пласт. Французский и русский тексты имеют различную семантическую ориентацию. Они взаимодополняют друг друга, раскрывая такие пласты смысла, которые при изолированном рассмотрении каждого из них могут ускользнуть.

Стихотворение Вяземского во многом параллельно оде «Вольность» Пушкина. Подобно пушкинскому стихотворению, оно начинается с торжественного отказа от любовной поэзии как источника вдохновения и любви — как высшего жизненного идеала. Изгоняются «Шитеры слабая царица» и «весна надежд и заблуждений». Общность творческих устремлений рождает параллелизм образов:

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру (II, кн. I, стр. 45)
И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венок.

---

⁹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 865. Сборник автографов и рукописей стихотворений П. А. Вяземского 1816—1830 гг.

¹⁰ В составе того же сборника хранятся два списка, один из них — с пометами Вяземского. Третий список, тоже авторизованный, входит в «Тетрадь П. А. Вяземского со стихотворениями и письмами, 1821—1822 гг.». ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 869.

¹¹ См.: П. А. Вяземский, Стихотворения, Л., 1958, с. 442. Впервые «Негодование», было напечатано в 3 томе Полного собрания сочинений П. А. Вяземского (1860) с пропуском 22 стихов (по требованию сына поэта, П. П. Вяземского, который счел их цензурно неудобными). Строки 110—111 как раз оказались среди опущенных и впервые появились в публикации С. Любимова в альманахе «Литературная мысль» (кн. 2, Пг., 1923). Источник текста не указан; текст содержит три ошибки (помимо двух указанных выше, в строке 56 — «кровавый нож труда» вм. «кровавый пот труда»). В издании В. С. Нечаевой (П. А. Вяземский. Избр. стихотворения, М.—Л., Academia, 1935) последняя ошибка исправлена, видимо, по тексту ПСС, те же, которые в этом издании или уже имелись («мать» вм. «мечь») или относились к стихам, впервые опубликованным Любимовым, — остались. Издания 1936 г. (Малая серия библиотеки поэта), 1958 г. (Большая серия библиотеки поэта), 1962 г. (Малая серия библиотеки поэта) фактически воспроизводят текст издания В. С. Нечаевой, сохраняя его погрешности, хотя и содержат указания на обращение к рукописям.

Отказ от легкой, эротической, любовной поэзии сопровождается обращением к поэзии гражданской:

Хочу воспеть Свободу миру...

Мой Аполлон — негодованье!¹²

В поисках положительных средств для воплощения идеала гражданской поэзии Вяземский не пошел, однако, по пушкинскому пути — не обратился к классическим формам оды XVIII века. Его решение, видимо, было близким к тому, которое позже пропагандировал Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Литературные оппоненты приписали Кюхельбекеру стремление реставрировать устаревшие нормы классицистической оды. Однако это не более, чем полемический прием: Кюхельбекер имел в виду романтически трактуемую «пиндарическую» оду, которую считал непосредственным излиянием восторга поэтической души, свободной в своих выражениях. Его формула: «В оде поэт <...> мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга»,¹³ весьма напоминает поэтический идеал «Негодования». Его ода близка к героической элегии.

Жанровую структуру «Негодования» Вяземский построил как сочетание метрической схемы элегии с торжественной архаизированной лексикой. Это позволяло создать инвективу — патетический и «высокий» монолог поэта-гражданина. Такая задача выдвигала перед Вяземским проблему церковно-славянизмов, исключительно острую для карамзиниста и арзамасца. Особенностью позиции автора «Негодования» было еще и то, что, поскольку стихотворение мыслилось не только как «высокое», но и как насыщенное терминами из политико-публицистического словаря, а этот последний, в сознании Вяземского, бесспорно, был ориентирован на французскую терминологическую систему, в самой основе семантико-стилистической структуры стихотворения оказывалась проблема соотношения французской и церковно-славянской лексических систем. Это делает автоперевод Вяземского исполненным совершенно исключительного интереса.

Сравнительное рассмотрение обоих текстов убеждает нас, что языком политического мышления Вяземского был французский и что, следовательно, перед нами как бы тройной перевод: сначала мысль поэта обле-

---

¹² Бросающийся в глаза параллелизм текстов Пушкина и Вяземского возбуждает вопрос о возможности прямого влияния одного произведения на другое. Проблема эта затрудняется, однако, неясностью вопроса о датировках этих стихотворений. Спор о датировке пушкинской «Вольности» общеизвестен [см.: Б. Томашевский, Пушкин, кн. первая (1813—1824), М.—Л., изд. АН СССР, 1956, с. 142—152]. Однако и вопрос о датировке «Негодования» не может считаться решенным окончательно. Под первой публикацией была проставлена дата 1818. В. С. Нечаева на основании переписки Вяземского с А. И. Тургеневым исправила ее на 1820 г. Однако переписка фиксирует лишь дату окончательного завершения работы над текстом, видимо, весьма длительной. Вполне можно допустить, что первая часть стихотворения Вяземского была написана раньше этого срока и могла им читаться близким друзьям. В этом случае то, что французский текст охватывает лишь первую половину стихотворения, может получить новое объяснение. Вопрос о сопоставлении датировок «Вольности» и «Негодования», кажется, до сих пор поднимался только Ю. Г. Оксманом, но решения так и не получил.

¹³ В. Кюхельбекер, О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие, цит. по: Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. Составил Вл. Орлов, М.—Л., 1951, с. 550.

калась во французские термины, затем она трансформировалась в русский поэтический текст, а в дальнейшем подверглась переводу на язык французской прозы. При этом, если в русском тексте Вяземский стремится к известной стилистической затрудненности, напряженному метафоризму, эмфазе, то французский ориентирован на ясность и смысловую прозрачность. Таким образом, французский текст — не перевод, а своеобразная глосса, метатекст по отношению к русскому тексту. Вяземский не просто переводит, а истолковывает текст, систематически «снимая» с него одическую орнаментальность.

То, что в основе политических размышлений Вяземского лежат привычные французские формулы, подтверждается тем, что отдельные места стихотворения проясняются до конца лишь при обратном переводе на французский язык. Приведем несколько примеров.

105 стих «Негодования» представляет собой несколько туманную авторскую характеристику Вяземского:

Свидетель нерожденных лет.

Сопоставление с французским текстом:

Contemporain des années non encore venues —

проясняет смысл этого неясного высказывания: «Современник будущих времен (лет, еще не наступивших)». Однако обратный перевод проясняет не только мысль, но и источник ее. Делается явной переключка с репликой маркиза Позы из «Дона Карлоса» Шиллера: «Я гражданин грядущих поколений.» Показательно, что реминисценция Вяземского ближе к немецкому подлиннику:

... Das Jahrhundert
Ist meinem Ideal nicht reif. Ich lebe
Ein Bürger derer, welche kommen werden¹⁴

а не к тому французскому его переводу, который мог быть в руках у автора «Негодования»:

Je suis un citoyen de l'avenir¹⁵

Понимание источника реминисценции проясняет и стих:

В век лучший вознесись от мрачной сей юдоли ...
... Das Jahrhundert
Ist meinem Ideal nicht reif...

Одновременно, сопоставление с радищевской цитатой: «Везде видел гражданина будущих времен»¹⁶ и Грибоедовским «инога века гражданин»¹⁷ позволяет расширить представления о круге русских читателей «Дона Карлоса».

Приведем пример неудобопонятного русского текста, который оказывается калькой совершенно естественного французского выражения:

---

¹⁴ Schillers Werke, Hrsg. L. Bellermann, Ausgabe DBI, Bd. 2, S. 303. Вяземский владел немецким языком. Когда М. Дмитриев в полемической статье поставил под сомнение его знание немецкого языка, Вяземский с обидой отвел это подозрение в статье, опубликованной в «Дамском журнале» (1824, № 8): «На литературную часть «Второго разговора» я не отвечал литературно, потому, что почел ее, по немецкому выражению, *unter aller Kritik*, хотя по всенародному объявлению *Второго классика* я по-немецки не знаю» (цит. по: В. Зелинский, Русская литература о произведениях А. С. Пушкина, ч. 1, М., 1887, с. 154).

¹⁵ Don Carlos, Infant d'Espagne, par Frédéric Schiller, traduite de l'allemand par Andrieu Lezay, A Paris <1799— 1800> p. 209.

¹⁶ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., изд. АН СССР, 1936, с. 322.

¹⁷ А. С. Грибоедов, Соч., М., 1956, с. 337.

переводится как: *sacrificateurs de la liberté, idole des âmes fortes.*

Печальную главу посыпав скорбным прахом,
Я зрел: изгнанницей поруганную честь...

по французски переводятся так: «J'ai vu l'honneur avilie reprendre des cendres du deuil sur ses cheveux et subir la proscription». Таким образом, смысл стихов таков: «Я зрел, <как>, посыпав печальную главу скорбным прахом <погребальным пеплом>, поруганная честь <сделалась> изгнанницей». Вне сопоставления с французской глоссой, текст остается невнятным.

Характерен и такой пример. В русском тексте встречаем выражение: «Для вас <...> уступки совести — заслуги!» Однако во французском тексте ему соответствует сложная игра слов: «Concession de la conscience — vos mérites».

Здесь, во-первых, наличествует звуковой повтор, сближающий эти полярные понятия. Во-вторых, «concession» означает одновременно и «уступку» и «место погребения». Возможно прочтение: «кладбище совести». Все эти смысловые сплетения и смысловая игра в русском тексте отсутствуют, что естественно наводит на мысль о том, что первичное обдумывание поэтических формул совершалось по-французски.¹⁸

Рассматривая русский и французский тексты «Негодования» как своеобразную билингву поэтического языка той поры, мы можем сделать некоторые наблюдения:

1. В ряде случаев французские адекваты обладают большей семантической определенностью, обличающей их первичность в сознании Вяземского. Без французских параллелей перевод этих выражений бывает затруднителен или неизбежно неточен:

фиал волшебств — *la coupe des philtres* (кубок любовного напитка:

¹⁸ Обращение к французскому тексту приоткрывает еще одну сторону русского стиля Вяземского. Ориентация на неожиданный метафоризм в русском тексте приводит к поэтическим сочетаниям, создающим для читателя смысловые трудности. Однако на поверку эти новации порой оказываются галлицизмами, кальками обычных во французской поэзии выражений, что особенно интересно, учитывая «славянскую» ориентацию лексики. Показательно, что, когда А. И. Тургенев не понял одного места в «Негодовании», Вяземский, безотносительно к анализируемому нами переводу, пояснил темное выражение французским его адекватом. Причем в переводе на французский оно оказывается обычным поэтическим выражением. Выражение «Бездушных радостей венюк» Тургенев не понял, Вяземский пояснил: «Бездушный значит *inodore*. Радости — тут розы, цветы» (Остафьевский архив, т. II, СПб.; 1899, с. 149).

Любопытен еще один пример параллельного существования в сознании Вяземского русских и французских поэтических формул. Стихи:

Нет слез в них для твоих печалей
Нет песен для твоих побед ...

в публикуемом автографе почему-то остались непереверденными. Однако в письме к жене от 18 марта 1828 г. Вяземский процитировал, слегка перефразировав, их французский перевод. Трудно себе представить, что он все эти годы держал в памяти текст своего автоперевода, скорее, формула эта жила в его голове независимо, возможно, даже предшествуя русскому тексту «Негодования». Ср.: «У нас ничего общего с правительством быть не может. Je n'ai plus ni chants pour toutes ses gloires, ni larmes pour tous ses malheurs» (цит. по: Ю. Тынянов, О «Путешествии в Арзрум». Пушкин, Временник пушкинской комиссии, т. 2, М.—Л., 1936, с. 58).

имеется в виду вполне конкретное содержание метафоры — отказ от *любвонной* поэзии).
 первые встречи — les premières perfidies (в русском переводе пропадает мотив измены, один из наиболее значимых элегических мотивов),
 принес в дань — j'ai immolé (в русском переводе пропадает оттенок разрыва, разрушения иллюзий, составляющий семантическую основу этих строк).

мой глас	— ma prière
все лучше	— le plus intime
зародыш	— le germe sacré
бесчеловечная слава	— la gloire coupable

2. Для передачи некоторых политико-философских терминов Вяземскому приходится создавать русские адекваты. При этом он идет по тому же пути, как и передавая «libéral» через «законно-свободный»: не находя в русском слове нужного оттенка смысла, он создает фразеологизмы.

la réalité sévère — истина угрюмая (в зн. «действительность»; показателен отказ от «vérité»),

l'enthousiasme — — пламенный восторг.

3. Противоположный случай: для раскрытия того смысла, который то или иное слово приобретает в политической конструкции Вяземского, необходим французский фразеологизм.

la sainteté des droits — уставы.

4. Крайне существенно для стилистики «Негодования» настойчивое стремление передавать французские обороты речи и мысли, заимствованные с французского политические термины, — церковнославянизмами.

l'ivresse	— упоение
dépouiller	— разоблачить
démasquer	— обличить
la bouche	— уста
l'existence	— бытие
implorer	— взывать
la prière	— глас
régner	— владычествовать
présider	— председательствовать
voir	— зреть
le roi	— владыка
les cendres du deuil	— скорбный прах
répondre	— ответствовать
accaparer	— заграбить
l'enfant	— чадо
les passions effrénées	— алкающие страсти
cri de la vengeance	— месть вопиющая
d'or	— золотой
prononcer	— изрекать
offrir	— являть
stérile	— тщетный
les chants	— песнопения
la vallée obscure	— мрачная юдоль

Бросается в глаза, что в целом ряде случаев, когда церковнославянизмы со сдвинутым значением вошли в лексикон карамзинистов, Вяземский употребляет их в первичном, архаическом значении:

«прохлада» в значении «праздник» — le festin

«лесть» в значении «обман» — льстивые лжебоги — les faux-Dieux

мечты — в зн. «заблуждения» — les erreurs

Всех помыслов моих Виновник — Auteur <...> de tous les mouvements de mon coeur.

Вина — «в церковных книгах не значит преступления закона, но причину какому ни есть произволению, наприм.: *Бог есть вина всяческих*, то есть

*Создатель всему*¹⁹. Одновременно «причина» в разговорном и бюрократическом языках XVIII в. может означать «преступление» («причинный казус» — криминальный случай, ср. «Сон советника Попова» А. К. Толстого). След., «вина» и «причина» могут восприниматься как пара «церковносл. — русск.»

Французский автоперевод «Негодования» Вяземского — уникальный документ, изучение которого может дать исключительно много как для понимания семантико-стилистической системы Вяземского, так и для анализа соответствующих проблем в истории русской культуры тех лет.

---

¹⁹ Церковный словарь <...> сочиненный <...> Петром Алексеевым, изд. 3, ч. I, СПб., 1817, с. 134. Можно предположить, что, если отдельно взятые «вина» и «причина» воспринимались как нейтральные, то «вина» в значении «причина» осознавалась как церковнославянизм, а «причина» в значении «вина» — как руссизм.

Ср. у Грибоедова: «Ученье — вот чума, ученость — вот *причина*». Из письма Пушкина Вяземскому: «*Вина*, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У нас слово *вина* имеет два значения» (XIII, 82)